

Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации¹

Аннотация. В статье рассматриваются три проблемы. Первая — это цифровые технологии, которые меняют мир на наших глазах и постепенно вытесняют привычные формы социальных практик. Информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) в настоящее время активно используются и в правовой среде, видоизменяя юридическую деятельность по содержанию, но главным образом по форме. В статье цифровые технологии рассматриваются в контексте юридической деятельности, прежде всего в законотворчестве. Вторая проблема объективируется в категории «правовой риск». При этом предпринята попытка рассмотреть риск в более широком смысле. Современное общество становится все более «рискогенным» и конфликтным. Одна из причин состоит в широком внедрении современных технологий, которые позволяют жестко контролировать виртуальное пространство, по факту и потенциально нарушая права субъектов права — как индивидуальных, так и коллективных. В этой связи ИКТ самым серьезным образом оптимизируют правовое пространство. При этом возрастают угрозы и риски. В статье предлагается авторское, во многом отличное от распространенного понятие «правовой риск». Обосновывается во многом условный характер этой правовой категории. Особенно в свете предложений сделать правовые риски предметом правового воздействия и даже правового регулирования. Третья проблема связана с минимизацией правовых рисков. Предлагается рассматривать юридическое прогнозирование как самое эффективное средство профилактики рисков в сфере права.

Ключевые слова: право; правотворчество; правовые риски; цифровые технологии; юридическое прогнозирование.

Для цитирования: Корнев А. В. Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 9. — С. 11–20. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.130.9.011-020.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16114.

© Корнев А. В., 2021

* Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Kornev_av@rambler.ru

Digital Technologies, Legal Risks and the Problem of their Minimization²

Arkadiy V. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
Kornev_av@rambler.ru

Abstract. This paper addresses three issues. The first issue is associated with digital technologies that are changing the world and gradually replacing the usual forms of social practices. Information and communication technologies (ICT) are being currently actively used in the legal environment, modifying legal activities in terms of content, but mainly in form. The paper examines digital technologies in the context of legal activity, primarily in lawmaking. The second issue is objectified in the category of “legal risk”. At the same time, an attempt is made to consider a risk in a broader sense. A modern society is becoming more and more “risky” and conflict. One of the reasons is formed by the widespread introduction of modern technologies facilitating tight control over the virtual space, which in fact and potentially violates the rights of subjects of law—both individual and collective entities. In this regard, ICTs optimize the legal space in the most serious way. At the same time, threats and risks are increasing. The paper proposes the author’s concept that is in many respects different from the widespread concept of “legal risk”. The paper substantiates a largely conventional nature of this legal category, in particular, in the light of proposals to make legal risks subject to legal impact and even legal regulation. The third issue is related to the minimization of legal risks. It is proposed to consider legal forecasting as the most effective means of preventing risks in the field of law.

Keywords: law; lawmaking; legal risks; digital technologies; legal forecasting.

Cite as: Kornev AV. Tsifrovye tekhnologii, pravovye riski i problema ikh minimizatsii [Digital Technologies, Legal Risks and the Problem of their Minimization]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2021;16(9):11-20. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.130.9.011-020. (In Russ., abstract in Eng.).

В определенном смысле статья является неким продолжением предыдущей, которая получила название «Юридическая деятельность в цифровую эпоху: понятие, содержание, формы»³. Если в прежней работе был сделан акцент на юридической деятельности, то в этой главное внимание будет уделено проблеме правовых рисков, связанных прежде всего с развитием цифровых технологий, которые проникают во все сферы бытия социума, включая право. При этом лично у меня вызывают некий скепсис те категории, которые прочно вошли в публичный правовой дискурс. К примеру, «правовая жизнь», «правовое пространство», «правовое существо» и пр. Теперь вот наделяют человека некой «правовой сущностью». К. Скиннер кон-

статирует: «Уже существуют умные автомобили, умные дома, умные системы и *цифровая жизнь* (выделено мной. — А. К.) <...> технологии уже пронизывают все сферы нашей жизни, применяются повсеместно — от уличного освещения до редактирования генома — и превращают наш мир в тотально связанную смарт-среду. В любое устройство можно встроить микрочип — и оно станет “умным”. Умные дороги, умные здания, умные города, люди со встроенной памятью и пр. В следующее десятилетие развития Интернета воплотятся в жизнь многие инновационные разработки, и мы приступим к созданию семантической паутины, Web 5.0»⁴.

Может быть, на отдельные «научные» конструкции и не стоило бы обращать внимание.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16114.

³ Корнев А. В. Юридическая деятельность в цифровую эпоху: понятие, содержание, формы // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6. С. 21–30. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.021-030.

⁴ Скиннер К. Цифровой человек. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. М., 2019. С. 39, 53–54.

Однако приходится в силу их большого распространения в научной, учебной литературе, в документах стратегического планирования. Прочно вошли в лексикон «киберпространство», «социальные сети», «управление контентом» и другие термины. Это, конечно, не категории науки в подлинном смысле этого слова. В то же время в научной среде они активно используются. Тем более в обществе постмодерна с его отрицанием любой иерархии, ценностей и нормативов. Обществу настойчиво внушается, что сегодня никто не может быть «держателем истины», поскольку все мнения равноценны. Это, конечно же, большое преувеличение. Сегодня под личиной равенства как раз идет борьба за господство, которая не может активно вестись без использования цифровых технологий. На смену холодной войне пришла война интеллектуальная. Победа будет за технологическим лидером, а не за тем, у кого много атомных бомб.

Современные технологии основываются на цифровых системах. Как полагает К. Шваб, все новые технологии — это просто продолжение цифровой революции. Но есть принципиальное отличие: технологии четвертой промышленной революции способны разрушить даже сегодняшние цифровые системы и создать совершенно новые источники ценностей. Технологии четвертой промышленной революции не остановятся на проникновении во все объекты окружающего мира, они станут частью нас самих. Некоторые люди уже ощущают смартфоны продолжением себя. Современные внешние устройства, от носимых компьютеров до гарнитур виртуальной реальности, почти наверняка будут имплантироваться в человеческое тело (и даже в мозг). Мы научимся точнее манипулировать собственными генами и генами наших детей. Прогресс в этих направлениях поднимает важный вопрос: как провести черту между человеком и машиной? Что значит быть человеком?⁵

В какой-то степени мы наблюдаем смену общественных настроений. До пандемии мир безоговорочно уверовал в безопасность, комфортное потребление, технологии, блага глобализации. Сегодня оптимизма явно поубавилось.

Внезапно выяснилось, что современная продвинутая технологическая цивилизация отнюдь не гарантирует человеку безопасность в самом широком смысле этого слова.

То же самое можно сказать и о цифровых технологиях. Они очень облегчают нашу жизнь. Спору нет. Вместе с тем они несут и потенциальные угрозы. Сейчас повсеместно говорят о «цифровом рабстве», «цифровой диктатуре» и даже о «цифровом фашизме». Основания для такого рода настроений имеются. Мы прекрасно помним отношение мирового сообщества к разоблачительным инвективам Дж. Ассанжа и Эд. Сноудена как к чему-то сюрреалистичному, явно надуманному. Но после того как в Twitter был заблокирован пока еще действующий президент США Д. Трамп, все заговорили о тотальной власти корпораций и сетей. В одно мгновение «самый сильный и влиятельный человек в мире», по сути, превратился в посмешище. Двести миллионов подписчиков президента ощутили на себе всю мощь политической цензуры. Обыватель, естественно, напуган. «Если так можно поступить с сильными мира сего, то что же можно сделать с “простыми смертными”», — такая мысль приходит в голову, по всей видимости, многим.

Мнение К. Шваба как раз говорит о повышенных социальных рисках, связанных с применением современных технологий. Речь идет о доверии, о выработке определенных ориентиров и ценностей, которые должны по возможности минимизировать риски, связанные с цифровизацией различных видов деятельности. Взять хотя бы общение в социальных сетях. Предпринята попытка запрета нецензурной лексики в виртуальном пространстве. Однако это дало прямо противоположный эффект. Ее стало заметно больше. Возникает вопрос: почему? Ответов может быть несколько. Во-первых, запретный плод, как известно, сладок. Если что-то запрещают, то известной категории людей непременно хочется нарушить запрет. И здесь даже нет каких-то определенных целей. Мне запрещают, а я все равно буду. Во-вторых, в российском обществе сегодня вызывают определенные протестные

---

⁵ Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции. М., 2018. С. 35.

настроения. Оппозиционно настроенные граждане воспринимают те или иные действия власти преимущественно негативно. Причем даже тогда, когда они абсолютно оправданны. И здесь вопрос, скорее, к «оппозиционерам». В своем большинстве они представляют собой довольно внушительную группу социальных маргиналов без внятных ориентиров, четких целей и стратегических задач. Сами того не подозревая, они очень часто выступают в роли «полезных идиотов», если воспользоваться терминологией В. И. Ленина. То есть выступают в качестве своеобразного хвоста для вяло тлеющего костра оппозиционности. А вот их кукловоды-кураторы знают, что им нужно. Желание сменить высшее политическое руководство уже никак не афишируется. Как говорится, карты сданы, и партия движется по заданной траектории. Но здесь не все так однозначно. Власти предержащие дают некоторые поводы для протестов. Прежде всего, в силу консервации экономических и политических рычагов в руках относительно небольшой социальной группы. Жестко контролируемые политические процессы напоминают кадры замедленной съемки. Политическая жизнь практически замерла. Но это как раз тот случай, когда активизировать политические акции очень опасно. Примеров даже на постсоветском пространстве более чем достаточно. Отстранение от власти малопривлекательных для определенной части общества политиков практически всегда приводит к так называемому внешнему управлению со всеми вытекающими последствиями. В-третьих, общение в социальных сетях как бы «сбрасывает маску» с человека. В виртуальном пространстве практически не работают те ограничения, которые сдерживают человека в привычных формах социальных контактов. Именно по этой причине в социальных сетях так много агрессии, ненависти, призывов к насилию. Чего стоит формирование группы добровольных самоубийц. По этому факту было возбуждено несколько уголовных дел. В-четвертых, имеет место падение нравственных ориентиров, девальвация ценностей, снижение общего уровня культуры населения, в том числе культуры

общения. Специалисты констатируют, что речь современного молодого человека с высшим образованием представляет собой некую смесь обыденного языка, англицизмов, профессиональных жаргонизмов и нецензурной брани. Русский литературный язык все менее и менее востребован в социальных коммуникациях. Особенно в сетях. Да и где место образцам классического литературного языка в смс-сообщениях и электронных письмах?

Все эти приметы нашего времени являются сопутствующими факторами современной технологической цивилизации. Коренным образом меняется человек и соответствующие представления о нем. В XIX в. в русской классической литературе активно обсуждалась проблема так называемого лишнего человека. Гениальный А. С. Пушкин явил граду и миру Е. Онегина. Не менее гениальный М. Ю. Лермонтов подарил нам в высшей степени интересный персонаж в лице Г. А. Печорина, который, по собственному признанию, «...сделался нравственным калекой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил, — тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого, и этого никто не заметил, потому что никто не знал о существовании погибшей ее половины...»⁶.

Двадцатый век запомнился воспеванием человека-творца, победителя, активной творческой личности. Все были заняты реализацией невиданного ранее грандиозного социального проекта. Никакого уныния и самокопания, то бишь рефлексии. Только вперед, к новым свершениям и впечатляющим победам. Одна часть планеты смотрела на нашу страну с нескрываемым восторгом, а другая — с ненавистью. К сожалению, они победили. В том числе и потому, что мы так и не смогли излечить социальный диагноз, поставленный А. С. Пушкиным: «Мы ленивы и нелюбопытны». Интеллектуальная лень способствовала банальному одурачиванию многомиллионного народа. Печально.

А вот XXI век вполне может стать эрой «пост-человека». И это самая *большая угроза и самый серьезный риск*. Но не для всех. Как раз опре-

⁶ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. М., 1981. С. 124.

деленные силы к этому всячески стремятся. Обезличивание человека с помощью навязывания ему сетевыми корпорациями разного рода брендов-симулякров постепенно может отучить его самостоятельно мыслить, анализировать и довольствоваться лишь агрессивно внедряемыми образцами стереотипного поведения в виртуальном пространстве. И это не мифическая, а вполне себе реальная опасность.

Один из самых авторитетных современных российских мыслителей А. Панарин обоснованно ставит проблему: «Прежние эпохи могли себе позволить игнорировать вопрос о том, что такое природа сама по себе или что такое природа человека, поскольку и природа, и человек еще существовали как данность, не выпотрошенная всесильной техникой производства или техникой власти. Но сегодня дело зашло слишком далеко: за пределы той границы, где кончается природа и кончается человек. В самый раз вспомнить, что они такое на самом деле, и установить границы, которые запрещено претупить»⁷.

Представляется, что профессор Панарин дал очень четкую характеристику современному витку цивилизации как раз в *контексте социальных рисков, связав это с дефицитом ответственности и осторожности*. Суть происходящих процессов состоит в том, что западная «фаустовская культура» безоговорочно поверила в главный технологический миф — *о тотальной заменимости естественного и уникального искусственным и тиражируемым* (выделено мной. — А. К.)⁸.

Так называемая вестернизация уверенно шагает по планете. Европа, Запад в целом все еще остаются центром мира, а европейцы всегда рассматривали себя как избранный народ⁹.

Речь, разумеется, идет только о Западной Европе. В этой связи девиз наших соседей «Украина — це Европа» являет собой смесь пошлости и комизма одновременно. Европейская цивилизация, по оценке А. Тойнби, представляет собой синтез «национализма и технологий». Именно

технологическое превосходство над другими цивилизациями обеспечивало Западу доминирование в мире. Другие культуры увлекались западным проектом в силу технологической привлекательности. Технологии позволили достигнуть индустриального уровня и двигаться дальше. Но как раз технологии несут не только неоспоримые блага, но и серьезные риски. *Технологии как таковые стремятся «приручить природу». Политические технологии, соответственно, нацелены на «приручение человека», низведение его до винтика*. Известный исторический деятель уподоблял человека «винтику» в смысле значимости в сложнейшем механизме государства и общества. Современная цивилизация, по сути, развивается по пути *постепенного преодоления идентичности национального общества и человека*.

Пока это не случилось. Но может произойти. И это очень серьезная угроза, несущая множество социальных рисков. В силу того, что риски связаны с любыми проявлениями человеческой деятельности, есть настойчивая необходимость в понимании такой категории, как «риск». Как это ни странно, в философской и даже в социологической литературе проблеме риска не уделяется того внимания, которого она заслуживает. Давно не покидает ощущение не просто связи деятельности и риска, а «встроенности» риска в любое проявление активности. Возьмем чисто бытовой пример. Заниматься спортом, физкультурой полезно. Этот тезис не нуждается в доказательствах. «Движение — это жизнь», как любили говорить древние. В то же время есть опасность (риск) получить травму, причем такую, которая навсегда может лишить человека какой-либо физической активности.

Правовая сфера, или правовое пространство, включает в себя сразу несколько уровней, где возникает проблема рисков: индивидуальный, групповой, общественный, государственный.

Заклячая различные сделки, индивидуальный субъект права, несомненно, рискует. Можно лишиться денег, имущества, здоровья.

---

⁷ Панарин А. С. Реванш истории. М., 2005. С. 20.

⁸ Панарин А. С. Указ. соч. С. 14.

⁹ Тойнби Дж. А. Цивилизация перед судом истории. М., 2003. С. 332.

Наконец, растратить репутационный капитал. Какая-либо корпорация (коллективный субъект права), осуществляя свою деятельность, а она вне правовых форм просто исключена, рискует обанкротиться. В развитых национальных экономиках (США, ФРГ и др.) ежедневно несколько тысяч предприятий признаются банкротами. Что интересно, примерно такое же количество фирм получают регистрацию.

Что касается рисков на уровне общества и государства, то здесь все гораздо серьезнее. Речь идет о возможных потерях, которые грозят огромному количеству людей. Правовые механизмы органично включены в политику, которую, как известно, интерпретируют как искусство управления обществом и государством. Есть, правда, и другие определения, далеко не всегда претендующие на академичность. Кстати, академичность порой далека от действительности. Во всяком случае, возникает такое ощущение, когда читаешь различные научные работы, в том числе и по праву. Но это не особенно заботит определенную категорию авторов. Они размышляют примерно так: «Если мои научные изыскания не совпадают с действительностью, то тем хуже для действительности». Иными словами, реальность, такая, какая она есть, не всегда адекватно отражается в учебных и научных работах.

Рассуждая о рисках, которые касаются бытия общества и государства, начинаешь понимать, почему Аристотель считал политику высшим из искусств. Каждый из нас в отдельности, преследуя свои личные интересы и реализуя потребности, рискует индивидуально. Политик, принимая решения, ставит под угрозу интересы всех. Цена ошибки здесь совершенно иная.

Обоснованно можно предположить, что любая правовая (юридическая) деятельность предполагает определенные риски. Как и всякая деятельность вообще. Можно ли исключить риски из деятельности человека и коллективных субъектов? Думается, что нет. В силу этого есть необходимость уяснить, что же на самом деле представляет собой риск (риски).

Риск есть ситуативная характеристика деятельности, состоящая в неопределенности ее

исхода и возможных неблагоприятных последствиях в случае неуспеха. Конкретно в психологии термину «риск» соответствуют три основных взаимосвязанных значения:

- 1) риск как мера ожидаемого неблагоприятия при неуспехе и степени неблагоприятных последствий в этом случае;
- 2) риск как действие, в том или ином отношении грозящая субъекту потерей (проигрышем, травмой, ущербом). При этом различают мотивированные риски, рассчитанные на ситуативные преимущества в деятельности, и немотивированные. Кроме того, исходя из соотношения ожидаемого выигрыша и ожидаемого проигрыша при реализации соответствующего действия, выделяют оправданные и неоправданные риски;
- 3) риск как ситуация выбора между двумя возможными вариантами действия: менее привлекательным, однако более надежным, и более привлекательным, но менее надежным¹⁰.

Представляется, что такой подход к категории «риск», ориентированный прежде всего на деятельность человека, вполне применим к функционированию социальных групп, общества в целом и государства, которое призвано быть выразителем интересов социума. Главное состоит в том, что риск всегда предполагает неопределенность конечного результата и перспективу неблагоприятных последствий. Именно в этом выражается суть всякого риска.

В предыдущей статье цитировался П. Я. Чаадаев, которого по праву называют первым русским философом в буквальном смысле этого слова. Пофилософствовать у нас охотников всегда хватало. Он отмечал некоторую неустойчивость, отсутствие последовательности в российских умах, что приводит не только к умственным шатаниям, но, добавим от себя, и к социальным. В России довольно легко меняют одни социальные модели развития на другие. Примеров достаточно. Когда мыслители «либерального толка», что до Революции 1917 г., что сейчас, констатируют явную иррациональность, просматривающуюся в российской коллективной мен-

¹⁰ Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. М., 1990. С. 344–345.

тальности, они недалеко отошли от истины. Но есть еще и другое наше коллективное качество. Задумывая что-либо, включая реформаторские инновации, мы, как правило, допускаем возможность их если не провала, то половинчатости. Действительно, за более чем тысячелетнюю политическую историю (она начинается с того момента, когда начинает формироваться государственность) можно насчитать не один десяток реформ. Увы, большинство из них нельзя признать удачными. Может быть, за исключением советского периода. Да и то не все. Правда, у нас любой позитив в части констатации успешности советского проекта непременно контраргументируется политическими репрессиями и дефицитом колбасы. Таким образом, есть все основания констатировать запрограммированность риска в содержании деятельности практически на всех уровнях.

Интерес к проблеме риска в юридической науке стал формироваться относительно недавно. Появились заслуживающие внимания работы, в которых осмысливается природа правовых рисков¹¹.

Ю. А. Тихомиров причины рисков в правовой сфере характеризует следующим образом:

- сложность и непредсказуемость социальных систем, ошибки в расчетах, неполная информация;
- организационные трудности определения задач и статусов субъектов права, режимов их деятельности и взаимоотношений;
- человеческий фактор — некомпетентность лиц, принимающих решения, противоречия интересов и т. п.;
- стремительные технологические процессы;
- природно-экологические катаклизмы¹².

Применительно к проблематике статьи основной фактор риска — стремительные технологические процессы. Некогда фантастические романы давали толчок к развитию техники, невероятным изобретениям и пр. Космические

корабли и подводные лодки первоначально описаны в литературе фантастического жанра, а уже потом они стали реальностью. Особенность современного витка развития цивилизации состоит в том, что действительность скорее опережает самую смелую фантастику. В этом явлении как раз и кроется опасность, связанная с множеством рисков. Общества прежних исторических периодов ожидали опасности извне, например природных катаклизмов. Они и сегодня более чем вероятны. Мы наблюдаем совершенно немыслимые ранее (хотя кто это знает) климатические «чуждачества» природы. Но сегодня опасность для общества создается скорее внутри него самого. Вот в чем настоящая проблема, требующая постоянного внимания.

В литературе указываются некоторые формы выражения правовых рисков. Они объективируются:

- в возможности прямого или косвенного нарушения правовых норм;
- отчуждении граждан от законодательства ввиду низкой правовой культуры и юридической компетентности;
- ошибках при определении статусов субъектов права, выборе правовых методов регулирования;
- угрозе увеличения объема юридических коллизий;
- провоцировании конфликта интересов;
- возникновении разрыва системно-правовых связей в правовой системе;
- нарушении корреляции между способом правового регулирования и мерой отражения экономических, социальных и политических процессов¹³.

Анализ соответствующей литературы позволяет сформулировать вывод о том, что *правовой риск представляет собой вероятное правонарушение отклонение от правовых моделей и законов* (Ю. А. Тихомиров).

---

¹¹ Арямов А. А. Общая теория риска: юридический, экономический и психологический анализ. 2-е изд. М., 2010 ; Тихомиров Ю. А., Шахрай С. М. Право и риск. М., 2012 ; Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2011. № 3 ; Он же. Право: прогнозы и риски. М., 2015.

¹² Тихомиров Ю. А. Право: прогнозы и риски. С. 168.

¹³ Тихомиров Ю. А. Право: прогнозы и риски. С. 173.

Предлагается рассматривать институт правового риска в рамках общей теории права. Создается впечатление, что формируется новое научное направление, которому можно дать рабочее название — юридическая рискология. Под это разрабатывается понятийный аппарат и соответствующая сфера научного исследования. Предприняты попытки классификации правовых рисков по различным основаниям. Перечислять их не имеет особого смысла в целях экономии объемного пространства статьи. Тем не менее есть резон привести такое основание дифференциации правовых рисков, как отраслевая принадлежность. К примеру, предлагается классифицировать правовые риски на конституционно-правовые, гражданско-правовые, экологические, трудовые, уголовно-правовые и др. По сути, необходимо «закрепить» категорию «риск» за каждой отраслью права и законодательства.

Однако такие предложения наводят на некоторые размышления. А если говорить более точно, то сомнения. Право выступает регулятором во всех четырех сферах общества — политической, экономической, социальной и духовной. Право в данном случае выступает инструментом, неким орудием, наконец, формой социальных коммуникаций. Иначе, одним, но не единственным социальным регулятором. Разве инструмент (закон) чем-то может рисковать? Ответ же более чем очевиден.

Мы исходим из того, что категория «правовой риск» содержит очень серьезный элемент условности. Да, это понятие можно широко использовать. При этом не стоит забывать, что за конституционным риском при всем уважении проглядывает политический. За гражданско-правовым, финансовым, налоговым, предпринимательским — соответственно экономический риск. За рисками в трудовом праве — социальный риск. Ну и так далее.

При этом хотелось бы подчеркнуть уместность использования понятия «правовой риск», не забывая о его весьма условном характере. Даже тогда, когда слово «риск» используется в законодательстве. Статья 459 ГК РФ регулирует отношения, связанные с переходом риска случайной гибели товара. Можно ли этот пример

квалифицировать в качестве «гражданско-правового риска»? Может быть, да. Тем не менее рискует продавец и покупатель. Или потерей денег, или порчей товара. Это в любом случае имущественный, экономический риск, пусть и в отдельно взятом случае.

Правовые риски предлагается сделать то предметом правового воздействия, то предметом правового регулирования. Предложение заманчивое, но не очень убедительное. С большим трудом можно представить себе регулирование вероятного неправомерного отклонения от правовых моделей и законов. Встречающиеся в литературе понятия «правовой риск» порой трудно разграничить с правонарушением. Или с нарушением законности и правопорядка.

Тем не менее *правовой риск в юридически значимом поведении (деятельности), а более широко — в правовом регулировании, представляет собой недостижение изначально поставленных целей, сопряженных с неблагоприятными последствиями как общесоциального, так и правового характера. Риск всегда предполагает несовпадение цели и результата. В силу этого риск тесно связан с такой категорией, как эффективность правового регулирования.*

Давно пора оставить идею об абсолютной позитивности права. С помощью права разрушались государства, проводились сомнительные реформы с печальными социальными последствиями и т.д. Закон ведь можно использовать в разных целях. Эффективность с позиции права может быть позитивной, а по своим социальным последствиям — негативной.

Что касается цифровых технологий, то они активно могут использоваться в различных видах юридической деятельности: правотворческой, правоприменительной, правореализационной и т.д. В данном случае правовая информация принимает цифровые формы. Во всех этих сферах возможны риски.

Обратимся к сфере правотворчества. В юридической литературе высказывается предположение следующего характера: «В недалеком будущем возможно появление новой технологии создания текста законодательного акта, при

которой с помощью искусственного интеллекта будут аккумулироваться поступающие из Сети законодательные предложения широкого круга активных и заинтересованных членов общества... Прогнозируемая цифровая форма закона коренным образом поменяет те представления о нем, которые сформировались в доцифровом обществе»¹⁴.

«Цифровая» форма закона несет в себе определенные риски. Начиная от его легитимности, ибо в широком сознании такая форма может восприниматься в качестве «несерьезной», и кончая несанкционированным вмешательством в текст закона в целях его видоизменения.

Технологические новшества не остановить. Это объективный процесс. Заглядывая несколько вперед, высказывается предположение следующего свойства: «По мере внедрения соответствующих технологий всё более актуальной становится задача перевода на машиночитаемый язык (программный код) юридических норм, на основе которых должны приниматься правовые решения»¹⁵.

Риски содержатся и в правоприменительной деятельности. Как органов исполнительной власти, контрольно-надзорных, так и судов. Виртуальное участие в судебном процессе несет определенные риски. Возможная в будущем роботизация правосудия грозит опасностью следования определенному алгоритму без учета

индивидуальных особенностей рассматриваемого дела и его участников.

Одним словом, риски уже сейчас есть, а о некоторых мы пока еще даже не догадываемся. Но они обязательно возникнут. В этой связи возникает проблема минимизации рисков в правовой сфере.

Совсем устранить риски нельзя. Их можно сократить до известной степени. Здесь можно говорить об очень многих направлениях. Наиболее перспективным из них является юридическое прогнозирование.

Юридическое прогнозирование представляет собой теоретический процесс по решению практических задач предвидения в социально-правовой сфере. Основная функция юридического прогнозирования состоит в раскрытии тенденций правовых явлений и процессов и выявлении главных закономерностей их предполагаемого развития¹⁶.

Предвидеть — значит управлять ситуацией. Информационно-коммуникативные технологии активно внедряются в деятельность всех правовых и политических институтов. Задача современной юридической науки состоит не только в том, чтобы изучать эти процессы, но и выявлять возможные угрозы и риски. Их не избежать. Вопрос в том, чтобы социальные блага существенно превышали издержки. В противном случае с инновациями лучше не торопиться.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агамиров К. В. Прогностические проблемы совершенствования правовой системы, законотворчества и социального механизма правореализации. — М., 2016. — 352 с.
2. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. — М., 1981. — 224 с.
3. Панарин А. С. Реванш истории. — М., 2005. — 432 с.
4. Психология : словарь / под ред. А. П. Петровского и М. Г. Ярошевского. — М., 1990. — 494 с.
5. Скиннер К. Цифровой человек. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. — М., 2019. — 304 с.

---

¹⁴ Цифровизация правотворчества. Поиск новых решений : монография / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М., 2019. С. 31.

¹⁵ Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Степина и юридическая наука. М., 2021. С. 134.

¹⁶ Агамиров К. В. Прогностические проблемы совершенствования правовой системы, законотворчества и социального механизма правореализации. М., 2016. С. 4.

6. Тихомиров Ю. А. Право: прогнозы и риски. — М., 2015. — 240 с.
7. Тойнби Дж. А. Цивилизация пред судом истории. — М., 2003. — 592 с.
8. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Степина и юридическая наука. — М., 2021. — 176 с.
9. Цифровизация правотворчества. Поиск новых решений / под ред. Д. А. Пашенцева. — М., 2019. — 234 с.
10. Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции. — М., 2018. — 320 с.

Материал поступил в редакцию 9 декабря 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Agamirov K. V. Prognosticheskie problemy sovershenstvovaniya pravovoj sistemy, zakonotvorchestva i socialnogo mekhanizma pravorealizacii. — М., 2016. — 352 s.
2. Lermontov M. Yu. Geroj nashego vremeni. — М., 1981. — 224 s.
3. Panarin A. S. Revansh istorii. — М., 2005. — 432 s.
4. Psihologiya : slovar / pod red. A. P. Petrovskogo i M. G. Yaroshevskogo. — М., 1990. — 494 s.
5. Skinner K. Cifrovoy chelovek. Chetvertaya revolyuciya v istorii chelovechestva, kotoraya zatronet kazhdogo. — М., 2019. — 304 s.
6. Tihomirov Yu. A. Pravo: prognozy i riski. — М., 2015. — 240 s.
7. Tojnbi Dzh. A. Civilizaciya pred sudom istorii. — М., 2003. — 592 s.
8. Habrieva T. Ya., Chernogor N. N. Budushchee prava. Nasledie akademika V. S. Stepina i yuridicheskaya nauka. — М., 2021. — 176 s.
9. Cifrovizaciya pravotvorchestva. Poisk novyh reshenij / pod red. D. A. Pashenceva. — М., 2019. — 234 s.
10. Shvab K. Tekhnologii chetvertoj promyshlennoj revolyucii. — М., 2018. — 320 s.